«На эспланадѣ Инвалидовъ среди экзотическихъ и колоніальныхъ помѣщеній одно строеніе болѣе строгаго стиля выдается изъ живописнаго базара; всѣ эти представители жителей земнаго шара примыкаютъ къ дворцу войны. Великолѣпный поводъ антитезъ для гуманитарной риторики; она и не упускаетъ случая плакаться на такія сближенія и утверждать, что это убьетъ то (*ceci tuera cela*), *) что единеніе народовъ черезъ науку и трудъ побѣдитъ военные инстинкты. Не будемъ ей мѣшать ласкать надеждой химеру золотаго вѣка, который, если-бы осуществился, очень скоро сдѣлался-бы вѣкомъ грязи. Вся исторія учитъ насъ, что то сдѣлано этимъ, что нужна кровь, чтобы ускорить и закрѣпить единеніе народовъ. Естественныя науки въ наше время скрѣпили таинственный законъ, открывшійся Жозефу де Мэстру вдохновеніемъ его генія и обдумываніемъ первобытныхъ догматовъ; онъ видѣлъ, какъ міръ искупляетъ свои наслѣдственныя паденія жертвою; науки показываютъ намъ, какъ міръ совершенствуется борьбой и насильственнымъ подборомъ; это утвержденіе съ двухъ сторонъ одного и того-же декрета, редактированнаго въ различныхъ выраженіяхъ. Утвержденіе, конечно, непріятное; но законы міра установлены не для нашего удовольствія, они установлены для нашего совершенствованія. — Взойдемте-же въ этотъ неизбѣжный, необходимый дворецъ войны, и мы будемъ имѣть случай наблюдать, какимъ образомъ самый упорный изъ нашихъ инстинктовъ, не теряя ничего изъ своей силы, преобразовывается, подчиняясь различнымъ требованіямъ историческихъ моментовъ».

Мысль эта именно о томъ, что доказательство необходимости войны находится въ двухъ выраженіяхъ, по его мнѣнію, двухъ великихъ мыслителей — Мэстра и Дарвина, такъ нравится Вогюэ, что онъ еще разъ повторяетъ ее.

«Милостивый Государь», пишетъ онъ редактору *Revue des Revues*, «Вы спрашиваете моего мнѣнія на счетъ успѣха всемірнаго конгресса мира. Я вѣрю такъ же, какъ и Дарвинъ, что насильственная борьба есть законъ природы, управляющій всѣми существами».

«Такъ же какъ и Іосифъ Мэстръ, я вѣрю, что это законъ божественный: два различныхъ названія для одной и той же вещи. Если-бы паче чаянія, какой нибудь частицѣ человѣчества, положимъ хоть всему цивилизованному западу, удалось остановить дѣйствіе этого закона, то другіе народы, болѣе первобытные, примѣнили-бы его противъ насъ. Въ этихъ народахъ голосъ природы взялъ-бы верхъ надъ голосомъ человѣческаго разума. И они бы дѣйствовали успѣшно, такъ какъ увѣренность въ мирѣ, я не говорю самъ «миръ», а «полная увѣренность въ мирѣ», вызвалабы въ людяхъ развращенность и упадокъ, болѣе разрушительно дѣйствующіе, чѣмъ самая страшная война. Я нахожу, что для войны, этого уголовнаго закона, нужно дѣлать то-же, что и для остальныхъ уголовныхъ законовъ: смягчить ихъ, стараться, чтобы они оказались ненужными, и примѣнять ихъ какъ можно рѣже. Но вся исторія учитъ насъ тому, что нельзя упразднить этихъ законовъ до тѣхъ поръ, пока останется на землѣ двое людей, хлѣбъ, деньги и между ними женщина».

«Я былъ-бы очень счастливъ, если-бы конгрессъ мнѣ доказалъ противное. Но сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ опровергнуть исторію, законъ природы и законъ Бога».

Примите увѣреніе и т. д.

Э. М. Вогюэ.

Смысль тотъ, что исторія, природа человѣка и Богъ показываютъ намъ, что пока будутъ два человѣка и между ними хлѣбъ, деньги и женщина — будетъ война. Т. е. что никакой прогрессъ не приведетъ людей къ тому, чтобы они сдвинулись съ дикаго пониманія жизни, при которомъ безъ драки невозможно раздѣлить хлѣбъ, деньги (очень хороши тутъ деньги) и женщину.

Странны люди, собирающіеся въ конгрессы, говорящіе рѣчи о томъ, какъ ловить птицъ, посыпая имъ соли на хвостъ, хотя они не могутъ не знать, что этого нельзя дѣлать; удивительны тѣ, которые, какъ Мопасанъ, Родъ и мн. др., ясно видятъ весь ужасъ войны, все противорѣчіе, вытекающее изъ того, что люди дѣлаютъ не то, что имъ нужно, выгодно и должно дѣлать, оплакиваютъ при этомъ трагизмъ жизни, и не видятъ того, что весь трагизмъ этотъ прекратится тотчасъ-же, какъ только люди перестанутъ разсуждать о томъ, о чемъ имъ не нужно разсуждать, а начнутъ не дѣлать того, что имъ больно, непріятно и противно дѣлать. Эти люди удивительны, но люди, которые какъ Вогюэ и др., исповѣдуя законъ эволюціи, признаютъ войну не только неизбѣжной, но полезной и потому желательной, — эти люди страшны, ужасны своей нравственной извращенностью. Тѣ хоть говорятъ, что ненавидятъ зло и любятъ добро, но эти прямо признаютъ то, что добра и зла нѣтъ.

Всѣ толки о возможности установить миръ, вмѣсто вѣчной войны, — вредное сантиментальничанье болтуновъ. Есть законъ эволюціи, по которому выходитъ, что я долженъ жить и дѣйствовать дурно. Что-же дѣлать? Я образованный человѣкъ и знаю законъ эволюціи и потому буду поступать дурно. «*Entrons au palais*

*) Слова изъ романа Виктора Гюго «*Notre Dame*» о книгопечатаніи, которое убьетъ архитектуру.